

НАДЕЖДА

МАМАЕВА

Полный замес

Профессионалы

Надежда Мамаева

Полный замес

«Автор»

2023

Мамаева Н. Н.

Полный замес / Н. Н. Мамаева — «Автор»,
2023 — (Профессионалы)

Полина знает все о замесе и о том, как получить идеальное тесто. Жидкое, бисквитное, слоеное, заварное. Помимо этого, она спец в кофе и... налогах! А еще в том, что касается работы кофейне. Ведь она – ее владелица, создавшая этот бизнес с нуля. И Поля безумно любит свою работу. А самоуверенных дилетантов – нет. Ильдар знает все о замесе. Как подрезать, как выдержать удар, как технично ответить и как отвлечь противника. Дар – тафгай. И он не позволит соперникам получить преимущество в игре. Лед – его стихия. Хоккей – его страсть. Этот жесткий парень любит холод и скорость, а тех, кто ему перечит, – нет. Сойдутся ли эти двое характерами, если встретятся? Да! Но только в рукопашную. Или...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Надежда Мамаева

Полный замес

Глава 1

Полина

– Вам кофе навынос или здесь? – спросила я, хотя хотелось еще добавить: «А может, вообще на фиг?» – потому как сидевшая передо мной на барном стуле блондинка раздражала.

Одной рукой она поправила идеальную прическу, а пальцами второй в нетерпении начала барабанить по лакированной поверхности стойки. Словно тем хотела показать: вот, смотри, какое у меня на безымянном дорожное кольцо. Завидуй. И кольцу, и тому, что оно означает.

«Клац-клац-клац» – выстукивали дробь нетерпения гелевые ногти. Алые. Длинные. Острые, словно стилеты, и с вкраплениями блесков у основания. Они отлично вписывались в гламурный образ гостьи кофейни «Горячая белочка» – заведения, что славилось на весь город своим кофе. Его зерна, кстати, обжаривали прямо тут, а не использовали покупные. Наоборот, их продавали другим. А все потому, что вкус был отменный.

– Ну что ты, Поля, какие «вы»? – жеманно скривив губы, отозвалась блондинка. – Мы же в школе вместе учились... Ты еще отличницей была. Ну что,годились тебе на должности официантки знания по истории древнего Рима? Или как их... интегралы? Ах да, прости, не официантки – бариски.

– Бариста, Аля, – поправила я и, дежурно улыбнувшись, напомнила о вопросе.

Каштановая прядь, выбившаяся из короткого хвостика, в который я собирала отросшее каре, упала мне на лоб, и сейчас она раздражала ничуть не меньше, чем бывшая одноклассница.

– С собой, – меж тем капризно махнула рукой блондинка. – И я теперь не Аля, а Альбертина. Сменила имя, – пояснила она. – У будущей жены миллионера оно должно быть более изысканным. – И, вернувшись к заказанному латте, добавила: – И да, сделай мне сердечко на пенке. Люблю, чтобы все было красиво...

Я потянулась за бумажным большим стаканчиком, а затем повернулась к аппарату. Будет бывшей однокласснице кофе. С сердечком. Хотя мой знакомый кардиолог Сашка называл всегда такое изображение жопой. Потому как настоящее сердце выглядит совсем не так со своими перикардами, аортами, венами. А так выглядит именно место, на котором сидят. И Сашке в вопросе идентификации я доверяла больше. Он в своей врачебной жизни насмотрелся и на то, и на другое...

Меж тем аппарат урчал, тонкая струйка ароматного напитка лилась в стаканчик. Насыщенный черный сменился белым, и на пенной молочной шапке появилась она. Жопка. Зато идеально симметричная и красивая. Все как Аля любит.

– Крышечка нужна? – уточнила я, уже готовясь указать на оную: бариста по правилам не должен был ее касаться. Только сам гость. А блондинка сказала, что латте навынос.

– Нет, я здесь попою, – прихлебывая кофе, ответила бывшая одноклассница.

Помню, как во время учебы она порой дразнила меня за то, что я торчу в библиотеке, в то время как она с парнями обжималась за углом школы.

Я протянула ей напиток. Блондинка отхлебнула, и на ее лице расплылась улыбка. Спрашивается, зачем навынос заказывала, если смакует его тут? Или выпить из керамической чашки религия не позволяет? Все нужно делать по-модному...

Чтобы ты такая стильно спешишь по улице с задумчивым лицом, а в руках – картонный стаканчик. Или идешь со всей скорбью еврейского народа в глазах, словно решаешь судьбу фирмы, на ходу прихлебывая кофе.

Словно пить на ходу – это признак успешности.

Вот и Аля сейчас явно ведь никуда не торопилась. Но могу поспорить, что она выщедит кофе на две трети, а затем потребует крышечку и, держа в руке фирменный стаканчик «Белочки», пойдет по улице цокать каблучками. Чтобы ноябрьский ветер в лицо. А она гордая, красивая, как после салона (хотя почему «как» – наверняка так и есть), на высоких каблуках и с развевающимися полами плаща. Все как в глянцево́м журнале.

– Все же зря ты зубрилой была, видишь, к чему тебя все это привело. А была бы как я... Успеха бы доби́лась. Но тогда кто бы мне приготовил такой вкусный кофе. Он у тебя получился отменный, – гостя кофейни расщедрилась на похвалу и добавила: – Но все же добавь немного корицы. Она придает пикантности...

Я потянулась за специей, когда ко мне тихо подошла Августина Львовна – дама, чьи корпулентные достоинства нельзя было не заметить, а профессиональные – переоценить. Ее несколько раз пытались переманить к себе крупные уважаемые фирмы, потому как любую налоговую проверку эта дама рвала как Тузик грелку. Но бухгалтер оставалась в «Белочке», отмахиваясь от предложений о работе, как топ-модель от навязчивых ухажеров. И все приговаривала: «Я уже пенсионерка, куда мне в холдинги. А тут хоть и размах поменьше, зато уютно и весело».

В общем, золотая была дама. Вся. Целиком. Даже характер из этого металла был. Потому порой и тяжелый. Но должны же быть у идеального бухгалтера маленькие недостатки?

– Полина Михайловна, распишитесь в этой смете, пожалуйста. Мы контракт с новым поставщиком заключили. Нужно завизировать... – с этими словами она протянула мне бумаги.

Я начала просматривать листы с расчетами. Хотя и доверяла Августине Львовне, но привычка...

– А с каких это пор у вас официантки в важных документах расписываются? – капризно спросила Аля, заставив меня оторвать взгляд от текста.

– Почему официантки? – важно поправив очки, спросила бухгалтер и веско добавила: – Только хозяйки кофейни.

Бывшая одноклассница неверяще обвела зал взглядом. Да, он был большим, просторным, и, несмотря на послеобеденный час, половина мест оказалась занята. А уж в вечернее время...

«Белочка» была популярна. Я подумывала открыть еще одну кофейню, в другой части города. Расшириться. Только снова влезать в кредиты не хотелось. И так несколько лет назад выкупила убыточный бизнес и пахала без продыху.

Тогда здесь был ресторан «Белая горячка». В меру убитый и без меры пафосный. Претенциозное меню толщиной в палец и такой же слой пыли на полках. Большая часть блюд была в вечном стопе, зато хозяин мог прихвастнуть, что в его ресторане подают буйабес, конфи из кролика со специями или крудо. Правда, не уточняя, что все – в теории. На практике же повара чаще всего готовили пиццу «Маргарита», пасту с сыром, борщ, хинкали... Но гости шли сюда не за едой, а за хмельным куражом огненной воды. Как бы и само название намекало... Вот только сделать выручку на одном спиртном бывшему владельцу не удавалось. Заведение медленно, но верно приближалось к яме банкротства.

Я к тому времени уже получила диплом экономиста и отпахала бариста три года: по специальности никто не спешил брать девушку – вчерашнюю выпускницу. Ведь опыта у такой наверняка нет, а вероятность ускакать в декрет очень даже есть. Так что подработка, которую я на четвертом курсе посчитала временной, плавно превратилась в работу постоянную.

Каждый день я ходила на нее мимо «Белой горячки» и мечтала когда-нибудь открыть свою кофейню... И вот однажды на ресторане увидела вывеску «Продается». Сначала я задумалась. Потом крепко задумалась и... рискнула вляпаться в кредит. Хотя знала, что по статистике лишь восемь процентов молодых фирм доживают до своего трехлетия.

У меня получилось. Я вошла в эту восьмерку. Спустя несколько лет работы без выходных, сотен бессонных ночей, километров вымотанных нервов я смогла выдохнуть. «Белочка» стала целиком моей. Безо всяких кредитных обязательств.

Здесь от ресторана не осталось ничего. Капитальный ремонт, перепланировка. Только название отчасти напоминало прежнее. Я не стала кардинально его менять, чтобы не отсе-
кать клиентов «Горячки», но и дать понять, что заведение обновилось. А логотип с рыжим
пушистым зверьком, который в лапах держит кофейное зернышко, отлично вписался в кон-
цепт кофейни.

Обиженный и уязвленный тон Али, словно я умышленно сыграла с бывшей однокласс-
ницей злую шутку, выдернул меня из воспоминаний.

– А почему тогда ты... с фартуком? – только и нашла она что спросить.

– Подменяла бариста, – пояснила я само собой разумеющееся.

– Хозяйка бизнеса не должна браться за швабру в своем заведении, – поджав губы, нра-
воучительно процедила блондинка. – Это роняет ее авторитет перед подчиненными.

– Если он упадет, я как-нибудь подниму его с пола и отряхну. – Я улыбнулась и пожала
плечами. – Мне незачем постоять за стойкой. А заведение должно работать без простоев.

– Какая ты еще неопытная... – снисходительно улыбнулась Аля. Но как-то кисло это у
нее получилось. – Ну ладно, рада была повидаться, но у меня еще столько дел... – протянула
она и ушла.

Да, прихватив стаканчик с кофе. Видимо, хотя новости и подпортили ей настроение, но
не настолько, чтобы отказать себе в удовольствии и допить эликсир бодрости.

– И что это была за фифа? – скептически глядя вслед удалившейся Але, спросила бух-
галтер.

– Моя бывшая одноклассница и будущая жена биг-босса, – усмехнувшись, ответила я.

– Эти жены богатых очень быстро меняют времена, – саркастически заметила Августина
Львовна. – Вот только недавно была будущая, а уже раз – и в прошлом. Свое дело в этом плане
куда надежнее. Оно точно не прельстится короткой юбкой секретарши и не подаст на развод.

– За что я вас люблю, так это за вашу неподражаемую иронию, – ответила, вновь возвра-
щаясь к договору.

– А как же мои профессиональные качества? – въедливо уточнила бухгалтер.

– И за них тоже, – покладисто согласилась я.

– Полина Михайловна, а ради этой большой любви вы в два раза не поднимете мне зар-
плату в этом месяце? – ничтоже сумняшеся уточнила счетовод.

– Августина Львовна, я вас люблю, но не на столько же крупную сумму, – прокомменти-
ровала, не отрывая взгляда от строк.

– Ну попробовать стоило... – раздался рядом вздох, полный сожаления.

– На десять процентов, – произнесла, не меняя тона.

Я планировала поднять зарплату всем сотрудникам со следующего месяца и объявить
об этом через неделю. Все же инфляция не дремлет, а если я хочу, чтобы мои работники не
искали места получше, нужно это место обеспечить здесь, в кофейне. Но под вопрошающий
тон Августины Львовны решила: а почему бы не сказать об этом сейчас? Порадую человека
чуть пораньше. Да и всех остальных тоже.

– Что на десять? – не поняла бухгалтер.

– Люблю вас больше на десять процентов в следующем месяце, чем в этом. – Я улыбну-
лась, отрывая взгляд от прочитанных листов.

А затем взяла ручку и поставила размашистую подпись рядом с инициалами «П.М. Тара-
сова».

– Вы мне зарплату поднимаете? – смекнула бухгалтер, и по блеску ее глаз поняла: примерно на это она и рассчитывала, загибая свое «в два раза». Все же принцип «проси больше» Августина Львовна освоила в совершенстве.

– И всем сотрудникам. Но со следующего месяца.

– Поняла. Сделаю. – И, подхватив смету, Августина Львовна исчезла.

А я посмотрела на часы. До приема у ихтиатра было еще прилично времени, но я все равно переживала. Машинально бросила взгляд на дверь. За ней, если пройти небольшой коридор, был мой кабинет. А в нем, упакованный в пластиковый пакет, находился пациент, нуждавшийся в осмотре специалиста.

Мой карп, которого я недолго думая четыре года назад нарекла Поликарпом, приболел. У него под правым плавником появился серый налет, словно пристал маленький кусочек грязной ваты. И моя золотая рыбка стала вести себя беспокойно. А вместе с ней занервничала и я. Вдруг это серьезно? Поэтому сегодня с утра я выловила свою зверюгу сачком, поместила ее в большой пакет, где уже была пара литров воды из аквариума, добавила кислорода из баллончика, крепко завязала тару и поехала в кофейню. А оттуда планировала уже к рыбьему доктору.

Мой Полик был еще совсем молод: ему было меньше десяти. И подарил мне эту живность в день рождения – на двадцатилетие – бывший парень. Он потом ушел к другой, а карп вот остался. И я к этой рыбине очень привязалась. Хотя никогда не рассматривала такую зверушку в качестве домашнего питомца. Мечтала о кошке или собаке. Ну хотя бы хомячке. А случился карп. И жили мы с ним, два Полика, в съемной однушке в центре.

Хотя мои родители критиковали этакую расточительность и раз в полгода предлагали вернуться к ним. Но, во-первых, в той трешке жили помимо мамы с папой еще сестра Дашка с мужем, три канарейки и братец Мишка – так что налицо была проблема перенаселения. Не Гонконг, конечно, но где-то близко. Во-вторых, из съемной квартиры было гораздо ближе до «Белочки». А стоять по часу в пробках каждое утро – то еще удовольствие. Ну а в-третьих, я просто привыкла уже к свободе. К тому, что могу спокойно пройтись в своей квартире хоть в трусах и топике, к тому, что не нужно закрывать за собой дверь в душ, и да, стоять под ним сколько хочу, не слушая сестренкино: «Побыстрее, Полинка, совесть поимей, мне тоже нужно голову помыть!»

Одним словом, я была той самой блудной дочерью, не желавшей возвращаться в отчий дом на ПМЖ. Братец, к слову, тоже подумывал съехать, как только окончит универ. Ну или вылетит из него. С учетом его раздолбайского отношения к учебе второй вариант имел вероятность пятьдесят процентов: либо вылетит, либо нет.

Вот так, под размышления-воспоминания, и пролетели несколько часов. Вернувшийся бариста занял свое место.

– Ну как, Ник, сдал экзамен? – спросила я парня. И хотя звали его по батюшке Николаем Олеговичем, наш бариста откликался исключительно на Ника.

– А то ж! Теперь у меня есть права! – гордо заявил он. – Только выдадут их завтра. Потопаю с утра в ГИБДД получать.

– Помни, что помимо прав у тебя еще есть и обязанности, – с этими словами я вручила ему фартук.

– Есть приступить к своим обязанностям, – шутовски козырнул Ник.

Я лишь покачала головой. Этот бариста порой своими шуточками напоминал моего младшего братца. Но свое дело он знал. А еще никогда не опаздывал. За это его и ценила.

Убедившись, что все в зале идет как надо, а народ по вечернему времени в зале начинает прибывать, я ушла к себе в кабинет, а после того, как просмотрела отчеты, подхватила пакет с Поликарпом и отправилась к парковке.

Сегодня утром мое привычное место заняли, и пришлось оставить машину подальше. Ну ничего, зато пройдуся. Благо распогодилось, да и вообще времени до приема у ихтиатра, или проще – рыбьего ветеринара, было с запасом.

Я шла по улице, когда ноябрьский закат окутал все вокруг мягкой дымкой, словно покрывая землю невесомой вечерней вуалью. Небо купалось в последних солнечных лучах, которые придавали легким перламутровым облакам необычайную глубину и мистическое очарование. Розовый свет проникает сквозь ветви деревьев, оставляя за собой яркие росчерки золотых стрел света, которые невозможно забыть.

На фоне неба, уже начинающего темнеть, силуэты домов и деревьев выглядели особенно таинственными и прекрасными. Они словно окунались в этот мистический сумрак и утрачивали свою привычную форму, словно оживали и начинали говорить с городом на своем собственном языке.

Казалось, что шумные голоса людей и звуки мегаполиса постепенно затихли, словно замерли в ожидании того, что произойдет дальше. До машины осталось не больше двадцати шагов, когда я так засмотрелась на закат, что толкнувший меня тип стал полной неожиданностью.

Удар в грудь, словно я с размаху вписалась в скалу. И ладно бы просто ударилась. С кем не бывает. Но я несла перед собой пакет с Поликарпом и... Целлофан, надежный и прочный, был рассчитан на транспортировку аквариумной рубки, но никак не на то, что его будут использовать как подушку безопасности.

Хлопок. Пакет лопнул, и тут же меня и незнакомца окатило водой. С груди до ног.

– Простите... Твою ж... – тип, видимо собравшийся извиниться за то, что налетел на меня, ощутил на себе все прелести внезапного душа и, похоже, решил перейти от оправданий к обвинениям.

Но мне было не до этого. Поликарп. Рыб упал на асфальт и забился.

В первый миг я запаниковала. Во второй – подхватила карпа и начала лихорадочно сообщать. Добежать до кофейни не успею. Далековато. Он задохнется. Зато буквально в паре метров была аптека.

Кажется, я кого-то пихнула плечом. Возможно даже – того незнакомца. Но сейчас это было неважно.

– Вам помочь? – услышала я, задавая стрекача с низкого старта до вожаемой двери.

Три секунды – и я оказалась внутри, где перед окошком провизора была очередь из нескольких покупателей. Еще никогда я не расталкивала людей локтями так активно. Еще и крича:

– Я на минутку, мне очень надо! Вопрос жизни и смерти.

И когда ошалевшие люди пропустили меня, выдохнула в лицо опешившему фармацевту:

– Презерватив самый большой! И воды в него! Без газа.

Девушка в халате в первый миг вылупилась на меня не хуже Поликарпа. Да и всей очереди. Но, увидев в моих руках рыбину, все поняла без слов. А уже через несколько секунд был вскрыт пакетик из фольги и в «шарик» максимального размера вылита бутылка негазированной воды. И главное – туда был запущен карп, который начал активно наматывать по своему новому «водоему».

Те, кто стоял рядом, все видели. Но до бабули, что находилась в самом конце очереди, донеслись только мои слова и...

– Ну вы посмотрите на нахалку! Среди бела дня! У молодежи нынешней ни стыда ни совести!

– Ага, ничего лишнего, – с охотой включилась эта самая молодежь в лице молодой мамочки с первенцем.

И тут кроха на ее руках понял, что он тут почему-то не главный. И на него вообще мало внимания обращают. И... начал солировать.

И под его задорный ор я вдруг поняла главное: мне нечем платить. Сумку я выронила на тротуаре.

– Позволь мне, – раздалось откуда-то сбоку, и тот самый тип, с которым я столкнулась на улице, приложил к терминалу свою карту. Тот пиликнул, оповещая, что оплата прошла.

А я наконец смогла поднять взгляд на незнакомца. Чуть смуглая, словно расцелованная солнцем до бронзового загара, кожа. Темные волосы. Короткая стрижка. Лишь один завиток падал на лоб. Прямой нос. Легкая щетина на высоких скулах, щеках, волевом подбородке.

В глубине карих глаз застыла насмешка. Кажется, с ней он глядел не только на меня, замершую перед ним с презервативом, в котором плавал карп, но и на весь мир.

Так смотреть на реальность может себе позволить лишь тот, кто силен духом. И этот незнакомец явно силен. И духом, и телом. Последнее, к слову, было высоким. Весьма. И явно тренированным. Деловой костюм (мокрый плащ тип, похоже, успел снять) не мог скрыть широких плеч незнакомца, его выразительных мышц, поджарого пресса.

Но даже не это меня поразило в брютете, а то, как он двигался: уверенно, стремительно и в то же время плавно, слитно, что ли... Когда не знаешь, где заканчивается одно движение и начинается второе. Точно змей. Хотя... змей для такого типа слишком маленькое слово. Скорее целый дракон! Китайский такой, многолапый, верткий и опасный. И плевать, что стоявший передо мной мужчина был больше похож на южанина. Драконище восточное. И все тут! И явно такое же хитрое, расчетливое и умное. По глазам это вижу!

Меж тем Драконище протянул мне сумку, ту самую, что я оставила на улице, со словами:

– Ты, кажется, потеряла.

– Вы, – произнесла я.

– Что вы? – не понял незнакомец.

– Вы потеряли, – пояснила я, чувствуя, как меня настигают запоздалые паника, злость и нервный тик разом.

– Хорошо, – недовольно прищурившись, ответил брютет и, приподнимая сумку в жесте: «Достала, бери уже!» – произнес «правильный» вариант: – Вы потеряли ее на улице, когда врезались в меня, потом облили, толкнули и сбежали.

– А у вас где глаза были? Вы едва моего Полика не угробили, – пошла я в атаку. Переполюнявшие эмоции требовали выхода.

– Кого? – изумился Драконище.

Вместо ответа я сунула ему в лицо полный презерватив. Поликарп как раз нарезал в нем очередной круг, и его хвост оказался у самой щеки брютета. Мой рыб испугался и... Хвост рыбины ударил об упругую стенку, та прогнулась и... Я впервые видела, как своему обидчику дает леща карп. Причем лично.

Вот это я понимаю жажда мести! Питомец весь в хозяйку! Горжусь.

Жаль только, что насладиться зрелищем сполна не удалось. Слишком уж хорошая реакция оказалась у Драконища. Доля секунды – и он уже отпрянул. Но мне хотелось верить, что оплеуху хвостом он все же получил.

– Ясно, – сухо отозвался брютет, явно уже жалея, что решил вернуть потерю хозяйке.

Я же взяла злополучную сумку, чувствуя, что нужно извиниться. А еще сделать доброе лицо, но оно, зараза, не хотело и упиралось. Да и слова вежливости как-то не особо складывались, так что...

– В общем... Я хотела бы извиниться, – выдавила из себя и тут же добавила: – Простите меня за плащ и за то, что облила вас, но... Вы сами во всем виноваты.

– Оригинальное извинение, – хмыкнул брютет. – Но вообще-то виноваты вы.

– Какое уж получилось. А я смотрю, вы не любите проигрывать в словесных спорах. – Я вскинула подбородок.

– Я вообще не люблю проигрывать, – холодно заметил он. – Потому не допускаю поражений. А еще тех, кто идет против меня.

– Тогда разрешите пройти мимо, – с этими словами я удалилась из аптеки. И вовсе не потому, что меня подпихивал в спину дедуля в очереди.

– «Не допускаю поражений», – себе под нос передразнила я незнакомца, оказавшись на улице. Впрочем, о брютете я почти сразу забыла. Потому как все мое внимание заняло промокшее пальто. Оно неприятно холодило. Настолько, что зубы начали выбивать дробь. И я весьма прытко припустила к машине, желая согреться.

Пара секунд – и я была внутри. В боковое зеркало увидела, как выскочил из дверей аптеки брютет. Но я уже дала по газам и вырулила на проезжую часть. Прощай, Драконище!

На миг кольнуло сожаление, что не увижу больше этого случайного незнакомца: хоть он и гад, но гад впечатляющий! Одни плечи чего только стоят.

С такими мыслями я и поехала к ихтиатру. Интересно, какое у рыбного доктора будет лицо, когда я достану Поликарпа в его средстве индивидуальной защиты от опасностей этого мира?

Ильдар

Когда я вышел из аптеки, покрышки синего опеля взвизгнули, и машина сорвалась с места. Почему-то не возникло сомнений: от меня удирает та самая зеленоглазая шатенка. Вот талант у нее – возбудить и выбесить одновременно. Причем за пару секунд. Но выбесить – больше. Хотя... Нет, все же раздражает сильнее. Несмотря на милую мордашку. Больно уж за ней острые клыки. Барракуда, не иначе.

Я же предпочитал девочек нежных, покладистых. А воевать предпочитал на льду. С равными. А не с такими пигалицами, макушка которых едва достает до подбородка. Хотя толкнула она неплохо. Как маленький такой таран. Пробник тарана. И, схватив свою рыбу, понеслась в чертову аптеку, оставив на улице сумку. Как дурак ее еще поднял, хотел вернуть, извиниться...

А вышло... по-идиотски. Еще и плащ теперь мокрый и воняет рыбой. Хотя плаща мне было ни капли не жаль. Если бы и костюм замочил – было бы вообще супер. Я его ненавидел. Как и весь сегодняшний официоз. Но пресс-конференция, будь она неладна... Официальное возвращение в команду после травмы... Нужно улыбаться журналистам, а то менеджер клуба с потрохами сожрет. Он же всю эту байдю с репортерами и затеял. Дескать, от рекламы зависят инвестиции, контракты, да даже фиговы ставки у букмекеров.

Вот и приоделся сегодня торговать лицом и делать вид, что завтра впервые выйду на лед после двух месяцев перерыва. Хотя на деле я уже две недели на льду пахал как проклятый. Скоро начало сезона. Надо быть в форме.

С такими мыслями сел в джип. Хотя когда-то запрыгивал. Но чертово колено опять стрельнуло. Надо бы показаться врачу. Пусть док глянет и, если что, назначит что-нибудь. Чтобы продержаться. Продержаться... Я ненавидел это слово, но с ним, похоже, придется свыкнуться.

Телефон зазвонил, когда я выруливал на проспект. Нажал прием и в гарнитуре услышал голос тренера:

– Ильдар, твою мать!.. Скоро уже начало. Где тебя носит?

Стас всегда, когда психовал, обращался к игрокам полным именем. Или матом. В моем случае – оба варианта сразу.

– Еще же полчаса в запасе. – Я бросил взгляд на дисплей магнитолы, в углу которой отображалось время.

– Какие к ... полчаса? Тебе что, не сообщили, что все на пораньше передвинули?

– Теперь сообщили. И доходчиво, – ответил я.

– Придушу Егора. Этот паразит у меня вылетит со своей должности. Ему же менеджер русским матом объяснил всех игроков предупредить. А тебя жду. Давай шевели поршнями.

– Они и так стучат под капотом, – я усмехнулся и отключился. А затем вдавил ботинок в пол.

Успел вовремя. В отличие от трех парней, которым Егор тоже забыл отправить уведомление. То ли из вредности (была у начальника команды такая черта), то ли просто прошляпил. Да и овощ ему в помощь. В смысле, хрен с ним.

Сейчас меня ждала пара часов вынужденных улыбок. Ненавидел эту мишуру. И вопросы репортеров. И назойливость. И вспышки камер, когда дотошные папарацци залезают к тебе едва ли не в постель, чтобы сделать зачетный кадр, с кем ты провел сегодняшнюю ночь. Это цена публичности. Она идет в базовой комплектации с победами в плей-офф. А побеждать я любил. И замес на льду тоже. А вот такую показуху – терпел. Чё уж, куда деваться.

Зато стань я юристом, как хотел отец, улыбаться и лицемерить пришлось бы куда больше. Каждый день. Папаша грезил, чтобы единственный сын пошел по его стопам. А позже и возглавил бы международную фирму, которую в конце девяностых создал знаменитый Герман Беккер.

Но я заупрямился. И теперь – с клюшкой. А отец – с ненавистью ко мне, предателю. Мы не разговаривали уже лет десять, наверное. И я о том, как идут его дела, узнаю, листая канал бизнес-консалтинга, он... может, когда смотрит спортивные новости. Или никак. Это тоже в духе папашы. Не замечать.

– Ну все, начинаем, – гаркнул тренер, своим зычным голосом вынося из голов игроков все посторонние мысли.

И мы вышли в зал, где нас ждала толпа акул... пера. Хотя по ощущениям – просто акул. Вопросов было много и разных. Но я привык улыбаться, не вдаваться в подробности, быть вежливым. Совсем не тем тафгаем, что на льду крошит зубы соперников.

Лишь когда все закончилось, смог выдохнуть: колено дико разболелось, и последние полчаса приходилось делать вид, что нога не разрывается от адской боли. И изображать, что все в норме, а я – в форме.

Когда снова сел за руль, набрал номер доктора.

– Привет, Евгенич, ты на месте, если заеду к тебе через час?

– Да, я у себя. Дар, что случилось? Колено?

– Ты не док, ты провидец, – я невесело усмехнулся.

– А то ж! Потомственный, – гордо отозвался врач.

Мы попрощались, и я поехал в клинику, где после осмотра и УЗИ сустава Евгенич, задумчиво глядя куда-то, побарабанил пальцами по столу и произнес:

– Дар, тебе тридцать один. Возраст для хоккеиста уже немолодой. Я говорил это и тренеру, и президенту клуба: твой прогноз – еще пара лет на гребне волны, но потом травмы дадут о себе знать. Уже дают.

Он кивнул на мою ногу, расписанную старыми шармами.

Я посмотрел на дока. Он, конечно, латал меня, и не раз, отправлял к хирургам под нож, когда это было необходимо, и будет латать и дальше, но... Я понимал, что когда-нибудь мне на смену придут молодые, борзые, полные сил, еще не поломанные... Я останусь на обочине большого хоккея. Но уйду в никуда или же у меня будет запасной аэродром – зависит только от того, что я сделаю сейчас. И самое время об этом поразмыслить.

Из кабинета Евгенича я вышел не расстроенным, нет. Иллюзий давно не питал и знал, что когда-нибудь оно так и будет. Меня заменят.

Уходить не хотелось до зубовного скрежета. Я готов был вцепиться в игру. Хоккей был для меня всем, но... нужно принимать реальность. Или хотя бы симулировать свою нормальность в оной.

Да, операция на колене отсрочила этот момент. Она прошла успешно, но это не значит, что и восстановление будет идеальным. Но пока время до того, когда я не смогу играть, еще есть. И деньги от контрактов тоже есть. Не вложить ли мне какую-то часть в бизнес?

Едва подумал над этим, как усмехнулся. Становлюсь похожим на отца, как бы мне этого ни не хотелось. Вот уже и о своем деле задумался. Тоже мне, коммерсант нашелся. А то и вовсе ресторатор... Тряхнул головой, прогоняя идиотские мысли.

И как только они вылетели, на их место пришли образы. Точнее, один образ. Той самой наглой пигалицы с ее рыбиной. Как она назвала ее? Полиёрш? Поликонь... Поликарп! Точно.

Почему-то при воспоминании об этой зеленоглазой шатенке Барракуде захотелось усмехнуться. Уж больно забавно она выглядела со своим аквариумом из презерватива.

Жаль, номерок не взял. Хотя, учитывая паршивый характер пигалицы, может, оно и к лучшему. Да и не завожу я отношений. Одна девушка – одна неделя. Не дольше. Чтобы не давать ложных иллюзий. Лишь хорошо провести время и забыть. Потому что чувства отвлекают от главного – игры.

Но Барракуда из головы никак не шла. Промелькнула даже мысль заехать в бар, снять девицу, похожую на эту пигалицу: чтоб зеленые глаза, каштановые волосы, каре и точеная фигурка – и хорошенько ее от...

Но осадил себя: Дар, какой, на хрен, бар? Тебе не коктейлями, а обезболивающими надо закидываться. Вон док выдал целый пакет.

Так что выкрутил руль, поворачивая в сторону дома. Мощный двигатель зарычал, напоминая о силе, спрятанной под капотом. Джип мчал по пустынным улицам ночного города, во тьме фары ближнего света скользили по асфальту, обнаженным от листвы деревьям, фасадам зданий.

Поймал себя на ощущении спокойствия и уверенности. Так бывало порой во время игры, когда я выходил на лед, точно зная, что нужно делать. И делал это, забыв о боли, о себе. Но никогда еще такого не происходило в обычной, повседневной жизни. И вот сейчас впервые...

Нога, которую обкололи обезболивающим, легко нажимала на педаль газа, позволяя машине набирать скорость. Ветер бился о лобовое стекло, и звук двигателя заполнял салон, создавая неповторимую атмосферу. Я был в своей стихии. Скорость. Свобода. Цель, которую я вижу. И вера. В себя.

В этом миге все было идеально. Все, кроме чертовой Барракуды. Которая никак не выходила из головы. И это бесило больше, чем сама девица.

Оставив джип на подземной парковке, поднялся к себе. День выдался непростым. Сначала изнуряющая тренировка, падение, потом эта пигалица с рыбой, пресс-конференция, прогноз дока...

Часы показывали почти полночь, когда вышел из душа, и я, перекусив, задумчиво посмотрел на телефон. Звонить – время позднее.

Открыл мессенджер и, найдя контакт старого друга, с которым еще учился на первом курсе очки универа, задумался.

Мы с Максом давно не виделись. Он окончил юридический и сейчас стал акулой бизнеса. Я перевелся на втором курсе на заочку, чтобы посвятить себя спорту. Тогда и повздорил с отцом. Тот отрезал меня от всех денег, заблокировал счета, отнял машину... перекрыл финансовый кран, как он сам выразился. Решил, что без денег я одумаюсь, вернусь. Но упрямство – фамильная черта Беккеров. Я уперся рогом и... прошел путь от региональной до высшей лиги сам.

Только вот сейчас столкнулся с последствиями своего выбора.

Пальцы набрали короткое сообщение Макс: «Посоветуй, стоит ли вкладываться в ресторанный бизнес? И если да, то с чего начать?» Нажал отправить и почти тут же увидел, что сообщение прочитано. А затем раздался звонок.

– Привет, зубная фея! – хохотнул Макс, припомнив мое университетское погоняло: на льду на раз вышибал резцы у соперников. – Ну ты умеешь задавать интересные вопросы в первом часу ночи!

На заднем плане слышались зажигательный бит и женский голос, со смешком выкрикнувший: «Полтора часа ждать такси? Да я за это время забеременеть и родить успею!..» Кто-то явно весело проводил время в клубе или на закрытой вечеринке.

– Вообще-то думал, ты это прочтешь утром. Дело не горит. – Я не хотел отрываться от веселья. Да и совет мне нужен был на трезвую голову, когда точно понимаешь, собеседник говорит всерьез или прикалывается.

– Дар, я тебя знаю. Ты просто так не написал бы, – голос приятеля, еще недавно бесшабашно-веселый, стал деловым и сухим, а звуки на заднем фоне стихли.

Их как отрезало после небольшого хлопка, какой бывает обычно, когда закрывают дверь. Значит, не клуб. Там так быстро не уединиться для телефонного разговора.

Что меня всегда поражало в бывшем сокурснике, так это его хватка: акула чует кровь за два километра, а Макс за тысячи чует запах сделки. Вот что значит настоящий юрист, потомственный и селекционированный (не только отец приятеля дружен с Фемидой, но и мать – адвокат по международному праву). И эта акула гражданского кодекса вкрадчиво потребовала: – Выкладывай.

– Да ты сейчас на частной вечеринке, за городом, – хмыкнул я, глотая детокс. Вкус у сока был противный, но, по уверению врачей, шпинат, зеленый огурец и лайм – это то, что нужно было моему организму для поддержания формы. А не джин с содовой. Хотя и я, и мой организм могли бы поспорить: второй вариант нам нравился больше. – А разговор не на пару минут. Уверен?

– Как догадался, что именно частная и не в городе? – уязвленно спросил Макс, словно он уже сочинил себе отличное алиби, а тут я возьми и подлови на несостыковках.

– Слишком быстро ушел из шумной зоны. А про загород... Время подачи такси даже в час пик по пробкам никак не полтора часа. Так что, значит, водителю нужно тащиться в какие-то едрени фени.

– Не в едрени, а в Торбовку, – хмыкнул приятель, называя элитный поселок. – К тому же я тут все равно скорее работаю, чем гуляю: клиент отмечает одну удачную сделку, а я параллельно договариваюсь с другими поставщиками. В неформальной обстановке, так сказать. Так что я стёкл как трезвышко, даже заплык не языкается, – сдохмил Макс.

После этого мне стало абсолютно ясно: приятель трезв, даже если сейчас в его алкоголе кровь и не будет обнаружена. А его мозг с языком и вовсе работают отлично: я бы это не смог повторить с первого раза даже по бумажке.

– Верю, – согласился я.

– То-то же, – хмыкнул Макс и добавил: – Светлая ты голова, Дар, хоть и брюнет. Никто бы другой на такие мелочи внимания не обратил. Такси, комната... Эх, хороший бы адвокат из тебя вышел.

– Да и хоккеист неплохой получился, – возразил я.

– В прошедшем времени? Решил уйти из спорта и податься в бизнес? – прямо, без обиняков спросил друг.

– Пока не «уйти», но сам же знаешь... Ничто не вечно...

– Угу, особенно собственные кости, – шутка Макса получилась грубоватой. Но такую он мог позволить себе только с друзьями. Не с клиентами, не со знакомыми, которые считали его утонченным юристом. А он им не был. Но отлично умел казаться.

– И они тоже. Вот и решил вложиться, попробовать перейти из хоккейной в бизнес-лигу... Выкупить сетку ресторанов, например...

– А ты в этом деле разбираешься? – уточнил Макс.

– На уровне посетителя, – признался откровенно. – Уровень прожарки стейка методом «сожрать» определить могу, но не более.

– А что ты планируешь в дальнейшем от этого получить: рассматриваешь как временное вложение или хотел бы заняться этим всерьез? Как хоккеем? – впившись в меня почище пираньи, продолжал допытываться Макс.

– Скорее всерьез...

– Знаешь, тогда бы я тебе посоветовал не рисковать сразу крупной суммой, а потренироваться на чем-то помельче. Выкупи маленький ресторанчик семейный. Или даже кафе. Лучше не убыточное, а наоборот, которое на взлет идет, чтобы понять хотя бы, что там к чему. А если поймешь, что это твое, что ты выгребашь и тебе интересно, тогда да, вкладывайся по-крупному. К тому же одно заведение не будет отнимать много времени. Сегодня тебя в спортивных новостях видел: ты вроде как идешь в сезон, а значит, будешь усиленно тренироваться... Не до рестораторства будет.

Слова приятеля заставили задуматься. Если я знал все об игре, то Макс – не только о том, как правильно составить договор, но и о том, что может стать причиной расторжения одного еще до его заключения. В общем, приятель был почти провидцем, что можно делать, что нельзя, и что можно, когда нельзя.

И с этим Нострадамусом от закона мы договорились о том, что он подыщет мне варианты, поможет со сделкой и передаст документы моему юристу – клерку, что просматривал договоры с клубами перед тем, как я их подписывал. К нему, как и к моему бухгалтеру, я порой обращался за консультациями. Но не за советами.

За ними – только к профессионалам высшего ранга, таким как Макс. И они, профи, просто так даже кислородом не дышали. Только если им за это заплатят.

– Сколько я тебе буду должен? – задал я приятелю закономерный вопрос.

– Когда будешь выкупать сетку ресторанов, тогда и заплатишь. А пока считай – как бесплатная рекламная акция, – хохотнул приятель.

– Договорились, – усмехнулся я, зная, что этот отпетый юрист своего не упустит.

Условившись о следующем созвоне, мы попрощались.

Я отложил телефон и задумчиво посмотрел в панорамное окно, за которым начал падать снег. Первый в этом году.

Вдали мерцали огни ночного города. На заднем плане можно было различить силуэты далеких небоскребов, которые словно поддерживают небо. Гул одиноких автомобилей не резонировал с тишиной улиц. Нет. Они дополняли друг друга. И эта гармония почему-то бесила. А может, бесила пигалица, которая никак не шла из головы? Черт бы ее побрал.

Полина

Электронные часы начали отсчет первого часа нового дня, когда я стояла, держа в руках чашку чая, и смотрела, как за окном мир становился белым и тихим. Крупные хлопья плавно падали на землю, укрывая ее пушистым одеялом.

Обычно первый снег приносил с собой в душу ощущение уюта, спокойствия и тепла. В детстве, когда он кружился, спускаясь с неба, мне казалось, что вот оно – начало настоящей зимней сказки. И чудилось, что все вокруг замерло, как и я, в предвкушении ее продолжения. Но не сегодня.

Какая-то внутренняя тревога не давала успокоиться. Я отхлебнула травяного чай, ища в этом напитке уединения и спокойствия. А заодно пытаюсь проанализировать все, что сегодня случилось. Может, так удастся найти источник моего беспокойства.

Встреча с Алей? Да навряд ли. Прошрое давно меня не трогало. А вот новость о том, что Поликарп – девочка, – очень даже!

Выяснилось, что та мутноватая слизь на его, в смысле ее, плавнике была вовсе не болезнью, а икрой. Когда мне рыбий доктор об этом сообщил, я нервно дернула глазом. Правда, сначала удивлялся, да причем изрядно, сам ихтиатр, когда к нему принесли пациента в резервативе...

– Полик, как ты могла! – глянув на аквариум, спросила я, все еще никак не свыкшаяся с такой гендерной пакостью.

Карпа (или все же карп? – я не могла определиться: во мне боролись филология и зоология, и вторая побеждала) лишь вильнула хвостом. Мол, подумаешь, ерунда. Ты лучше оцени, какой ихтиатр там был. Молодой, готовый к нересту, тьфу, ухаживаниям.

Рыбьего специалиста я действительно оценила. Симпатичный, спокойный, деликатный (как он покраснел при виде транспортного средства Полика!). Единственный минус – очень уж худой. Настолько, что при взгляде на него срочно хотелось делать торты, пельмени, шашлыки и кормить-кормить-кормить. Зато доктор был блондин с оттенком в рыжину. А я всегда была равнодушна к светловолосым.

В общем, ихтиатр был полной противоположностью тому типу, который едва не угробил мою карпу. И как только я вспомнила про Драконище, сразу поняла: вот она – гадость сердца моего. Та причина, по которой я никак не могла уснуть. Или все же...

Не успела додумать. Ночную тишину квартиры разорвала трель звонка. Я не успела поднять трубку, как услышала заплаканный мамин голос:

– Поля... Отец... – причитала она.

Глава 2

Полина

Я не могла понять, что говорит мама. Из динамика доносились лишь обрывки фраз. А еще я чувствовала эмоции. Много эмоций. Тревога, боль, отчаяние, страх, безнадежность – они были столь сильными, что прошивали меня, находившуюся вдалеке, насквозь.

– Что случилось? Ты можешь мне объяснить?! – я не выдержала и сорвалась на крик.

Послышалось шуршание. На заднем фоне раздался голос Мишки: «Мам, дай я!» – и спустя несколько секунд брат произнес:

– Папа попал в аварию. Он сейчас в реанимации. Приезжай...

И Миха, назвав адрес, отключился. Младший был краток, но я понимала, какой ценой ему далась такая лаконичности.

Из динамика доносились гудки, а я стояла посреди кухни и сжимала трубку телефона в своей дрожащей правой руке. Словно она была единственным, что держало меня на самом краю нервного срыва.

Мои пальцы побелели от напряжения, когда я сжала в кулак левую ладонь. Ногти врезались в кожу так, что на ней остались алые лунки-полумесяцы, из которых на пол закапала кровь.

Плевать. Боль телесная заглушала ту, другую, что сейчас поселилась внутри меня и сейчас рвалась наружу. Криком, слезами... И если первый я заглушила, то вторые... Соленая влага стекала по щекам.

Я плакала без единого звука. Сколько? Не знаю.

Но тут Полик зашуршала камнями в аквариуме. Звук, глухой и какой-то тупой, что ли, был сродни удару по затылку. Я подняла взгляд на настенные часы. Оказалось, я проплакала ровно три минуты. Три минуты гребаной вечности! А папа сейчас, возможно...

Решительно отогнала мысли о смерти. Отец будет жить! Я его заставлю. Если надо – с того света достану, но не позволю ему умереть.

Смахнула слезы и начала быстро одеваться, чтобы спустя час вбежать в холл больницы. Там на выдавшей виды банкетке с потрескавшейся искусственной кожей сидела, сторбившись, мама. Миха обнимал ее за плечи. Рядом стояла растерянная и какая-то оглушенная сестра.

– Что говорят врачи? – с ходу спросила я, приглаживая пятерней растрепавшиеся от бега и припорошенные снегом волосы.

– Ждать... – выдохнул брат.

И мы ждали. Секунды. Минуты. Часы... Кажется, за это время я успела поседеть. Кажется, я слышала, как гудели мои нервы, натянутые, словно стальные тросы. И как они трещали и искрились под запредельным напряжением, которое на них дали этой ночью.

А под утро мы узнали, что папа будет жить. Точнее, существовать. На аппаратах. И сколько папе осталось – неизвестно.

В кабинете Гурама Каримовича мы узнали этот неутешительный прогноз.

– Как же так... – выслушивая приговор хирурга, прошелестела убитым голосом мама.

– Чудо, что он с такими повреждениями смог вообще перенести операцию, – сухо сообщил хирург. – Декомпрессию мозга при вдавленном проломе черепа мы устранили, но была повреждена сонная артерия, также был сильный ушиб позвоночной артерии и инфаркт мозга. Поэтому...

– Доктор, можно проще?... – не выдержала я.

– Проще – у вашего отца внутричерепная гематома. И ее необходимо удалить. Но такие стабилизирующие операции в рамках ОМС проводят всего в нескольких клиниках страны. По квоте...

От этих слов я сглотнула. А мама, кажется, даже не поняла ничего.

– То есть по страховому полису отца можно... – начал было брат.

– Миха, ты что, не слышал! – взвизгнула сестра. – По квоте! А это очередь! – И, уже обращаясь к хирургу, она истерично спросила: – Она длинная?

– Да, – тяжело произнес Гурам Каримович.

– Нет никакой надежды? – Я в упор посмотрела на доктора.

Сильный, большой настолько, что громадный. С глазами, повидавшими много боли, но и много чудес. Чудес, которые он сам творил своими руками. И я верила, отчаянно верила, что он сможет совершить еще одно. Для папы...

– Такие операции проводят в Израиле. Платно...

– Сколько? – Я вскочила и вцепилась пальцами в стол.

Только вот названная хирургом весьма приблизительная сумма заставила сесть. Такую сумму в кредит просто так не получишь. Да и дадут ли вообще?

Мы вышли из больницы с отчаянием и надеждой.

– А если продать машину? – Я кивнула на свой опель, припаркованный неподалеку.

– Не хватит, – уверенно заявил брат. – Нужно же помимо операции перелет, проживание... А вот если квартиру продать – хватит. Еще и на однушку на окраине останется.

– Квартиру! – негодуя взвизгнула Дашка. – А нам где жить? На крыше или в подвале? Всем пятерым: мне с мужем, матери с отцом, тебе – оболтусу! Это Польке хорошо, она на съемной. А мы? Ты о нас подумал?

– Тебе квадратные метры дороже отца! – рявкнул Миха. – Ну ты и гниль, сеструха...

– Я – гниль?! – истерично заорала Дашка. – Да ты на Польку посмотри! У самой в руках миллионы, а отцу помочь не хочет.

Я подавилась воздухом. Какие миллионы? Только-только из долгов кофейню вытащила. Миха, знавший об этом, нашелся первым:

– Дура! О каких деньгах ты говоришь? Поля из кожи вон лезла, чтобы не обанкротиться и кредит погасить.

– Зато у нее бизнес есть! И его продать можно! А квартиру – не позволю продавать! Там и моя доля есть!

И Дашка, резко развернувшись на каблуках, пошла прочь. На белом снегу чернели отпечатки ее следов.

– Она не в себе, – тихо-тихо, словно убеждая саму себя, а не нас, произнесла мать. – Даша просто не в себе сейчас от горя...

– От жадности она не в себе. И уже давно! – припечатал брат. – Эгоистичная гадина.

– Она беременна, – возразила мама, пытаясь оправдать Дашку. – Она это в тайне просила держать, но теперь...

«Теперь сестра вцепится в квартиру зубами», – поняла я. Может, потом и одумается, когда ураган гормонов подутихнет. Ну а пока... Пока на часах было три утра – время, когда общественный транспорт не ходит.

– Давайте доведу до дома, – предложила я маме и брату.

Те не стали отказываться.

К себе во двор я въехала в районе пяти. И долго сидела, опустив обессиленные руки на руль и бездумно глядя вперед.

Еще утром я была уверена, что иду вверх. Расширю бизнес. А один звонок – и все рухнуло. Принимать решения непросто. Но когда на одной чаше весов лежала жизнь родного чело-

века, а на другой – пот, кровь, бессонные ночи и мечты, то выбор очевиден. И цена за него казалась подъемной.

Если я смогла открыть одну кофейню, смогу и вторую. Правда, для этого придется подождать чуть дольше и поработать больше.

И когда я приняла это решение, вдруг на душе стало легко. Как будто я перешагнула какую-то неведомую черту, за которой было действие и только действие. А страх – он остался позади. Я оттолкнула руки от руля и вышла из машины. Взбежала по лестнице на свой этаж, открыла ключом дверь, скинула пальто и бросилась к ноутбуку. Открыла сайт и начала набирать объявление о продаже «Белочки». В голове набатом звучала мысль: «Главное, чтобы быстро нашелся покупатель». И чтобы увеличить эту вероятность, я честно и подробно описала реальные цифры: оборот, рентабельность, маржинальность кофейни.

Когда я закончила и встала из-за стола, часы показывали семь. Ложиться было поздно. А вот принять контрастный душ, чтобы взбодриться, и выпить кофе – самое оно. И да, еще перекусить, если что-то влезет от волнения. Впереди был трудный день, и на него нужны были силы.

Это я и сделала. А потом не утерпела и сунула нос в ноут. И чуть не подавилась: на мою заявку был один отклик. Я поперхнулась второй чашкой кофе, а когда прокашлялась, поняла, что холодный комок, который был внутри, вдруг исчез. Наверное, его растопила расправившая крылья надежда.

Я посмотрела в окно. Это снежное утро началось тихо, с первых лучей рассвета, которые проникали сквозь легкую дымку морозца. Они дробились и множились в белой бесконечности снега. Искрились радостью чего-то нового и непременно светлого.

Облака на небе казались какими-то призрачно-эфемерными, воздушными, их очертания приобретали нежные, розовые и лавандовые оттенки.

Тишина и спокойствие вдруг опустились на меня. Это было как миг покоя в эпицентре шторма. Впервые после ночи мне показалось: все получится! Я все смогу!

Поставила кружку на стол и нажала на «ответ». Потенциальный покупатель явно был не новичком в вопросе приобретения и продажи бизнеса. Некто Максим Васильевич Симонов интересовался, какие у меня ключевые активы в собственности, контрактами с поставщиками, просил дать более подробные цифры по показателям прибыли и убыткам.

Я так быстро читала его сообщение, что меня занесло на одном из абзацев, и я на всей скорости врезалась в следующую фразу: «также прошу представить обзор потребителей и конкурентов, анализ финансового состояния, сильные и слабые стороны продаваемого бизнеса».

Читая последнее требование, я нервно дернула глазом и поняла: для ответа мне потребуется кофе. Очень много кофе. И запасные нервы. Так, на всякий случай.

Не то чтобы желания господина Максима, едрит его за ногу, Васильевича были из ряда «достать космическую станцию с орбиты и перо из жопы совы». Скорее закономерными. Проблема в том, что все бизнес-планы-стратегии-анализы конкурентов по большей части были у меня в голове. Я знала все кофейни нашего города в вывеску. И то, чем каждая из них хуже «Белочки». А на рекламные акции у меня был, как говорила подруга Маша, «дар провидицы, сосредоточенный в нижних чарках». Или проще – я задом чуяла, когда нужно делать скидки, вводить в меню новинки, убирая что-то устаревшее.

Многое в моем деле нельзя было втиснуть в весьма условный годовой бизнес-план, который составляла для себя в январе. Например, зимой не знаешь, что весна будет ранняя и летнюю террасу откроешь в первой трети апреля, а не к майским праздникам. Соответственно, и деньги на наем рабочих и обновление оформления нужны раньше.

Сидя перед монитором, я думала: то ли взять паузу в диалоге и оформить все требуемые документы, то ли попытаться объяснить, что оных у меня пока нет не по причине того, что «Белочка» убыточна, а хозяйка – раздолбайка, а просто я многое держу в уме.

Побарабанила пальцами по столешнице. Если я засяду за описание – покупатель может соскочить, а деньги нужны срочно. С другой стороны, время работало против меня. Мне нужны были деньги как можно скорее. А пока я занимаюсь писаниной...

– Ну что, Полик, стоит попробовать?

– Бульк! – Рыба деловито мотнула хвостом в духе «пробуй при мне все, что душе угодно, кроме ухи и суши» и деловито заработала хвостом, устремившись к компрессору, резво булькавшему пузырьками воздуха.

А я вздохнула, прикидывая, что и так живу в зоне рискованного земледелия и предпринимательства (и климат тут совсем ни при чем). Так мне ли бояться? Если этот Максим заинтересован в покупке, мы найдем общий язык, а если из любопытства спрашивает, хоть сто стратегий и рекламных кампаний ему распиши – не купит.

Как только приняла это решение, пальцы запорхали по клавиатуре, объясняя, что да, некоторых упомянутых документов у меня нет. Зато есть отличная финансовая отчетность за последние три года, договоры с контрагентами, документы о праве собственности на оборудование и на долгосрочную аренду, а главное – отсутствие задолженностей и соучредителей.

«Но это все на бумаге. А чтобы принять решение, загляните в «Горячую белочку» и сами все увидите», – дописала я в конце своего длинного сообщения и нажала «отправить».

Думала, что Максим Первый Дотошный, как я мысленно поименовала покупателя, на какое-то время углубится в присланные документы, но ответ не заставил себя долго ждать.

«Непременно к Вам загляну». И все, засим мой покупатель отключился, оставив нас втроем: меня, Полика и мандраж. Я навернула несколько кругов вокруг ноутбука. Но больше никаких сообщений и новых откликов не поступало.

Если бы сейчас мое нервное состояние попросили оценить по шкале от одного до десяти, то ответ был бы однозначный: «Я и есть шкала!» И как только это поняла, остановилась.

– Так, Поля, стоп! – сказала сама себе, но рыба решила, что я обращаюсь к ней, и заинтересованно булькнула, мол, чего тебе? А поесть будет?

Я вспомнила, что действительно не кормила мою любимую чешуечку, и, посыпая гранулы корма, продолжила операцию по вызволению родимой психики из стресса. В качестве основного (и единственного) спасательного средства была мантра, которая всегда мне помогала: «Займись делом! Работа сама себя не поработает!»

Повторила ее несколько раз про себя, а потом выдохнула и начала собираться в кафе.

И весь день в «Белочке» я то и дело заглядывала в ноутбук в надежде, что Максим Первый (и пока Единственный) напишет что-нибудь. Ей-богу, я никогда в жизни ни от одного мужчины так не ждала сообщения, как от него.

Но глухо. К семи часам я уже созрела до того, чтобы повесить над дверью крупную вывеску «Продается». Да, это посеет панику среди работников, да, это отпугнет клиентов, но... Мне нужны были деньги!

Чувствуя, что начинаю терять контроль над ситуацией, что план, который я для себя наметила утром, рушится, я занервничала. Меня вновь подхватили качели: вниз – отчаяние, вверх – надежда, и снова вниз – отчаяние. Что не получится. Не успею.

А может, все же попробовать кредит? Предпринимателям на личные нужды, не на бизнес, получить его тяжелее, но вдруг получится...

Сидя за рабочим столом в кабинете, посмотрела на руки. Они тряслись. Нет, так дело не пойдет. Нужно отвлечься. А отвлекала меня всегда работа. Только сегодня цифры в голову не шли. Потому я решительно надела фартук бариста и, подойдя к Нику, тихонько оттеснила его со словами:

– Отдохни полчаса. Я сама постою...

Привычные движения, знакомая до боли обстановка и гости, которым нужно улыбаться... Это все помогло отключить голову. Я на время сама стала кофемашиной. Тело было

занято рутиной, а кипевший мозг получил передышку. Ровно до половины восьмого, когда передо мной нарисовался тот самый тип. Вчерашнее Драконище.

Он сел за барную стойку и, увидев меня, на миг замер, а затем усмехнулся.

– Ну здравствуй...те, – иронично протянул карповый киллер, едва не угробивший мою рыбоньку. Еще и паузу, гад, сделал, припомнив мне мое «те» и обращение на «вы». А затем его взгляд скользнул ниже, к бейджику с именем «Полина», и мужская улыбка из ироничной превратилась в откровенно насмешливую и самодовольную.

– Добрый до этого вечер, – поприветствовала я совсем недобро гостя и поймала себя на странности: вот вчера Аля, которая сидела ровно на этом же месте, ни капли меня не раздражала. Хотя она старалась меня задеть.

А у этого... с пол-оборота получилось. Видимо, у него прям врожденный дар – бесить. Причем прокачанный до восьмидесятого уровня. Я никогда посетителям не хамила, а тут не смогла удержаться.

– Значит, мне сегодня сварит кофе Поляночка... – Драконище посмотрел в упор, чуть приподнял бровь. – А я все гадал, как тебя зовут...

Явно провоцировал. А еще ждал реакции.

– Какой... вам... – второе слово я выделила особо. Какая я тебе, гад, «Поляночка»?! – ...кофе?

– Скажем, капучино бейлис, – глянув поверх меня на меню, выведенное мелом, произнес Драконище и добавил, напрочь проигнорировав выставленные границы: – Что к нему посоветуешь?

– Венский захер, – тут же ответила я.

– И почему его? – светски поинтересовался этот гад.

– Потому что захер... – я старательно выговорила название шоколадного торта и добавила, наплевав на «вы»: – ...ты здесь?

Ибо выбесил!

Драконище посмотрел на меня удивленно, словно не поверил тому, что услышал, а затем... рассмеялся. Широко. Искренне. И так заразительно, что мне пришлось приложить усилие, чтобы сохранить серьезное выражение лица.

– Да ты, Поля, настоящий дипломат: послала меня так, что я почувствовал себя посланцем. – Тип улыбнулся и посмотрел мне прямо в глаза.

– Я всего лишь предложила торт, который отлично подойдет к латте, – изображая самую невинность, произнесла так сахарно-вежливо, что самой срочно захотелось хлебнуть водички – так во рту стало приторно-сладко.

Только такая резкая смена моего тона и поведения – это был вовсе не заскок, а ход конем! И онный кое-кому не понравился.

Драконище скривился: видимо, кое-кому было не по вкусу, когда дразнит не он, а его.

– А по-моему, указала маршрут. – Брюнетистый тип подпер подбородок своим кулаком.

Я невольно отметила широкое жилистое запястье. По нему на смуглой коже змеилась тонкая ниточка застарелого шрама, которая ныряла в резинку-манжету мужской толстовки.

– Тебе показалось, – не видя смысла «выкать», я окончательно перешла на «ты».

– Ну раз так, давай хоть попробую этот торт. И оценю... – обманчиво покладисто согласился Драконище и после небольшой паузы произнес – как контрольный в голову сделал: – Насколько сладко меня Поляночка послала в венские дали.

У меня дернулся глаз. С учетом того, что при этом я не переставала дежурно улыбаться, подозреваю, зрелище вышло то еще. Словно моя поехавшая крыша показывает, в какую сторону она сейчас будет поворачивать...

«Он что – опять? Второй раунд провокаций?» – промелькнула мысль, пока я совершала стремительный и позорный разворот к кофемашине. Оставалось лишь надеяться, что сделала я все достаточно быстро, чтобы этот гад-провокактор не увидел, как меня перемкнуло.

Выдохнула, стараясь взять гнев под контроль. Меж тем руки сами делали привычную работу. А я пыталась найти в этом торнадо эмоций центр. Место спокойствия. Точку сборки. Чтобы из разодранной на лоскуты нервной системы сшить себя заново. И это даже удалось.

Я повернулась к Драконищу и поставила перед ним чашку кофе. А затем, достав широкую тарелку, взяла малиновый сироп и отточенным движением нанесла сладкий рисунок. Добавила белой пудры и только после этого аккуратно лопаткой отрезала кусочек торта и положила его на тарелку, чтобы та в следующую секунду оказалась рядом с чашкой латте.

Драконище хмыкнул, а затем произнес:

– А что касается того, зах... зачем я здесь: хотел осмотреться и составить мнение о кофейне...

Он еще не закончил фразу, а в моем мозгу уже сложился пазл: утро, вьедливый покупатель и его обещание заглянуть в «Белочку». Неужели...

– Ты – Максим Васильевич? – Я не могла верить в то, что говорила, но... Все сходилось! Но не может же быть таких совпадений. Просто не может.

«Господи, хоть бы не он...» – начала я мысленную молитву. Но закончить не успела. Откуда-то сбоку долетел удивленный возглас:

– Да это же Ильдар Беккер!

– Молот? – уточнил другой.

– Да. Он! Точно он! – уверенно воскликнул первый.

Я повернулась, чтобы увидеть парней, взявших уверенный курс на меня. Точнее – на Драконище, который, кажется, такому даже не удивился. Лишь вздохнул, словно приготовившись к чему-то, и... улыбнулся. Широко и, я бы сказала, отрепетированно, что ли.

Когда двое подошли к брюнетистому гаду, то первое, что они спросили:

– Вы ведь Костолом? – При этом голос вихрастого голубоглазого блондина был полон надежды и неверия одновременно.

Словно ребенок, увидевший фею, которая сейчас исполнит три его заветных желания.

Драконище лишь кивнул. А парни просияли. И тут же попросили вместе сфотографироваться. И автограф. Для одного была взята салфетка со стола. Но не успел брюнетистый провокактор дописать последнюю букву имени, как в кофейне началось что-то невероятное.

За пару минут барную стойку окружили посетители, которые до этого мирно пили кофе. Они перекрикивали друг друга, пытались подойти поближе к Драконищу и обязательно сделать с ним селфи.

Кто-то завопил:

– Костолом, правда, что ты идешь в сезон?

– Да, – ответил брюнетистый провокактор, продолжая раздавать автографы.

– Порви всех! Ты охурменный тафгай! – напутствовал тот, кого я так и не смогла рассмотреть за спинами впереди стоявших.

Да-да, он именно так и проорал, только матом. Но я девушка приличная, предпочла услышать о хурме, а не о мужской анатомии.

Меж тем Драконище улыбался, фотографировался и вообще был само радушие и обаяние. И не скажешь, что пять минут назад он был сущим гадом, который бесил!

– А вы случайно здесь оказались? – кокетливо спросила смазливая блондинка, накручивая на палец локон.

При этом она так пристально смотрела на Драконище, что мне показалось: ей было неважно, что говорить, лишь бы привлечь мужское внимание.

– Друг посоветовал сюда заглянуть. Сказал, что здесь лучший кофе в городе, – произнес мой персональный брюнетистый раздражитель. Лучезарно улыбнувшись, он добавил, отхлебнув из чашки: – И это действительно правда.

– Значит, теперь вы будете сюда заезжать за кофе? – продолжила девица.

– Возможно, – улыбнулся Драконище.

А блондинка от этих слов и вовсе просияла. Может, она бы что-то еще спросила, но тут ее аккуратно, но неотвратно отеснил дородный бородатый мужик и застенчиво протянул Костолому блокнот.

– Можно подписать для Семеныча? – как-то даже робко попросил этот человек-гора.

Столпотворение длилось около получаса. Затем народ постепенно начал не слишком быстро, но все же расходиться. Последней от стойки отчалила та самая блондинка. Удаляясь, она бросала на Драконище выразительные взгляды. Не удивлюсь, если и свой номер телефона на салфетке ему вручила.

– Так, значит, не Максим, а Ильдар, – резюмировал я, когда ажиотаж рядом со стойкой стих.

– Ты проницательна, – перестав улыбаться и посерьезнев, ответил этот невыносимый тип и ложечкой отковырнул первый кусочек от торта, намереваясь приступить к дегустации. – А сейчас я прошу тебя, Поля, позови сюда владельца кофейни, если он тут. Я бы хотел кое-то с ним обсудить.

– Никого звать не нужно. Я уже здесь, – ответила устало.

И сказала ведь спокойно. Причем истинную правду. Спрашивается, отчего Ильдар закашлялся?

Впрочем, Драконище быстро справился с приступом чихотки и, контрольно кашлянув в кулак, произнес:

– Кажется, мы не с того начали...

Я приподняла бровь, без слов спрашивая: «А с чего надо было?»

Будто отвечая на невысказанное, он продолжил:

– Знакомиться уже поздновато, но я все же представлюсь: Ильдар Беккер. – И он протянул через стойку ладонь для рукопожатия. – Хоккеист. Но сейчас я тот, кто хотел бы приобрести эту кофейню.

Не знаю, что меня удивило больше: резкая смена тона или мозолистая пятерня, протянутая мне не как девочке-Полиночке-которая-сделай-кофе, а как равной. Так или иначе, я машинально представилась:

– Полина Михайловна Тарасова. Хозяйка «Белочки».

И подала руку.

– Мы могли бы побеседовать о продаже вашего заведения в более деловой и малолюдной обстановке? – Драконище, перейдя на деловой тон и «вы», на миг бдительно стрельнул глазами вокруг, прищурился, словно просканировав зал, и продолжил: – Потому как я подозреваю, что, едва мои снимки разлетятся по соцсетям, здесь появится вторая волна желающих со мной сфотографироваться.

М-да, похоже, для болельщиков этот тип, что сейчас сидел передо мной, – кумир. А на что способны фанаты ради снимка...

– И через сколько это произойдет? – Я напряглась.

Драконище вскинул запястье, на котором был фитнес-браслет, глянул на электронный циферблат и вынес вердикт:

– Думаю, без четверти восемь. – При этих словах я не смогла сдержать эмоции – брови изумленно приподнялись. Всего десять минут? Так быстро?.. А Ильдар меж тем продолжил: – Но если вы заняты и у вас сейчас нет возможности обсудить продажу... – он не договорил, многозначительно кивнув на фартук.

Вроде бы один жест. Короткий, как удар рапирой в поединке. Но этот тип умудрился в нем выразить намек на то, что могут быть проблемы с персоналом, раз я сама за стойкой. А из этого следовал логичный вывод: с заведением не все так хорошо, как я описала в объявлении.

Сглотнула, тут же представив, как Драконище либо развернется сейчас и уйдет, либо будет дотошно выискивать, за что зацепиться, чтобы сбить цену. А я не в таком положении, чтобы долго торговаться...

– С работниками все хорошо. У бариста был перерыв, я его подменила. Сейчас он подойдет, – как можно более деловым и холодным тоном произнесла я.

А затем сняла фартук и отправилась за Ником. Парень обретался в раздевалке, кому-то набирал сообщение.

– Перерыв уже все? – оторвав взгляд от экрана, спросил он.

– Да, теперь твоя очередь. – Я кивнула и уже хотела выходить, когда поднявшийся со стула Ник вдруг спросил:

– Полина Михайловна, а зачем вы сами встали? Что-то случилось?

– Нет. – Я улыбнулась. Так, как может это сделать только начальник: уверенно и бескомпромиссно. Потому что даже если тебя изнутри раздирают страхи, подчиненные не должны об этом знать, иначе они будут нервничать вместо того, чтобы работать. А простой убивает бизнес быстрее любого ковида. Мне было с чем сравнивать: «Горячая белочка» пережила и то и другое.

Взялась за дверную ручку и, толкнув створку, вышла в коридор, когда меня догнал вопрос бариста:

– А почему тогда?.. – начал было он

Но я его перебила:

– Потому что в женщине должна всегда быть за... Гад! – последнее я произнесла, увидев, как уверенно Драконище идет по коридору ко мне. И как сюда только попал? Договорила я, уже не особо вдумываясь в то, что произношу: – ...инка

– Загадинка? – не понял Ник, который не видел Ильдара. – Это как?

– Это загадка, но с легким ощущением того, что тебя ждут неприятности, – отозвалась я, уже не глядя на Ника.

– А-а-а, – донеслось мне вслед.

Может, Ник еще что-то сказал, но я уже не услышала, потому как устремила к Драконищу, который непонятно как оказался здесь.

Как выяснилось через пару минут, он просто... зашел. Обогнул витрину, поднял откидную стойку и ничтоже сумняшеся двинулся в недра «Белочки».

– Вы всегда такой бесцеремонный? – перенимая официальное обращение Драконища, спросила я, показывая дорогу в мой кабинет.

– Порой намного хуже, – самоуверенно усмехнулся этот невыносимый тип, намекая, что сейчас он – сама деликатность.

– И вас за это еще не уволили? – спросила я, хотя понимала, что не стоило. Но характер не салфетка – под фартук не спрячешь. А язва я была еще та.

– Мне именно за это и платят, – просиял Ильдар. А мне как-то подумалось: похоже, не зря его один из поклонников назвал Костоломом.

В этот момент мы как раз подошли к двери, я открыла ее, приглашая Ильдара войти.

– Только после вас, – произнес Драконище с интонацией «Смотри, ведьма, я имею представление об этикете» и улыбнулся в тридцать два зуба.

Чертов провокатор.

– Благодарю. – Я кивнула, сделав вид, что не заметила подколки, и вошла первой.

А затем вежливо предложила кофе. На что мне ответили, что он уже продегустирован и покупатель желает подзакусить чем-нибудь посущественнее, например, моими объяснениями, почему я хочу продать и кофейню, и цех по обжарке зерен.

Прозвучало прямо как дежурный вопрос на собеседовании: «Почему вы ушли с предыдущего места работы?» Вот только ответ у меня был не стандартизированный, слишком личный. Но если я сейчас скажу правду, то этот тип поймет, что я в безвыходном положении. А это значит, что можно вить из меня веревки и сбивать цену.

Я на миг отвернулась к окну, выгадывая время, чтобы подыскать слова для ответа. Но они никак не желали находиться.

Почувствовала, как холодеют кончики пальцев. Кажется, последние сутки вымотали меня настолько, что нервы перегорели, как электрические провода, по которым дали слишком высокое напряжение в обе фазы.

Вдруг зрение начало мутнеть, а звуки и запахи враз стали какими-то размытыми и далекими. Мои ноги подкосились, и я поняла, что не могу удержать равновесие.

Оперлась ладонями на подоконник, стараясь не упасть от нахлынувшей слабости, которая была не вовремя. Совершенно не вовремя

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.